

УДК 82.0

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТИХИ А.Б. МАРИЕНГОФА

© Демидов Олег Владимирович (2019), ORCID ID: 0000-0003-3305-5326, SPIN-код: 2375-8335, учитель русского языка и литературы, Лицей НИУ ВШЭ (Россия, 105062, Москва, Лялин пер., д. 3А), romantuwka@bk.ru

В статье вводятся в научный оборот и анализируются неопубликованные стихотворения А.Б. Мариенгофа, находящиеся в архиве ИМЛИ РАН. Отмечается, что найденные стихотворения образуют поэтический цикл, «лирический дневник». Обращаясь к сравнительно-сопоставительному и контекстуальному методам исследования, автор приходит к выводу, что данный цикл может быть мистификацией, и приводит в подтверждение своей позиции ряд аргументов. Во-первых, в предисловии к циклу Мариенгоф указывает, что последняя запись сделана в 1919 г., тогда как фактически последнее стихотворение подборки помечено как написанное 12 августа 1918 г. Во-вторых, общая тональность цикла и особый субъект лирического высказывания – молодой поэт, остротенно наблюдающий постреволюционную реальность, – принципиально отличают исследуемую подборку от других стихотворений того же периода, опубликованных в альманахе «Явь», в сборниках «Кондитерская солнц» и «Магдалина» (все – 1919 г.). В-третьих, образы, созданные в цикле, не воспроизводятся в последующих текстах Мариенгофа (данный вывод подтверждается в ходе сравнительного анализа стихотворений цикла и опубликованных в «Яви» произведений «Багровый мятежа палец тычет...» и «Кровью плюем зазорно...»), что не позволяет рассматривать неизданные стихотворения как «рабочий материал» для создания новой поэтики. Однако, при всей убедительности приведенных аргументов, отмечается, что любая мистификация является телеологически обусловленной, тогда как в данном случае цель мистификатора не ясна. В заключение сообщается еще об одном обнаруженном в ИМЛИ тексте Мариенгофа – «Тяжёлой мужичьей поступью...», интонационно и тематически соответствующем стихотворениям из альманаха «Явь», но по неизвестным причинам не опубликованном.

Ключевые слова: Мариенгоф, имажинизм, лирический цикл, мистификация, текстологический анализ.

В ИМЛИ находится фонд Мариенгофа (ф. 299). В отличие от РГАЛИ (ф. 2269) в нём не так много материалов: письмо во Всероссийский союз писателей об исключении С.Д. Спасского из Московского ордена имажинистов (ф. 229, оп. 1, ед. хр. 14), заявление в контрольную комиссию о вывозе в Германию рукописи романа «Циники» (ф. 299, оп. 1, ед. хр. 10), объяснительное письмо о публикации романа в издательстве «Petropolis Verlag» (ф. 299, оп. 1, ед. хр. 11), набросок манифеста Петроградского Воинствующего ордена имажинистов (ф. 299, оп. 1, ед. хр. 4), рукопись статьи Владимира Ричиотти о членах Петроградского ордена (ф. 299, оп. 1, ед. хр. 9), которая, по всей вероятности, должна была входить в пятый номер журнала «Гостиница для путешественников в прекрасном», несколько папок с черновиками и беловиками известных стихотворений («Сегодня в Германии, Австрии и Болгарии...» – ф. 299, оп. 1, ед. хр. 2; «А дружба – чудак, кто верит...» – ф. 299, оп. 1, ед. хр. 7), а также две папки с текстами, никогда ранее не печатавшимися.

Первая папка носит название «Когда мглу жгли...» (ф. 299, оп. 1, ед. хр. 1). В ней несколько машинописных листов со стихами и предваряющим их предисловием Мариенгофа (здесь и далее тексты публикуются в той редакции, которая принадлежит именно ему).

«Петитом – записано в клеенчатой тетради, которая (Бог весть по каком невероятному случаю) осталась у меня от гимназических лет.

*Суровый век – гонитель наших песен.
На каменных цветах лирического мёда
Не ищи.
Распутству цезарей – державинская ода,
Народу нищему
По что
Блистательная лесть?*

Петитом: Эти семь строчек впереди на розовом листе, где каждый гимназист ставил свою фамилию и имя, а первые ученики: число, год, месяц и ещё: ученик (такого-то) класса. Остальное всё на плотной белой бумаге с тончайшими голубенькими линейками. При записи, по рассеянности, конечно, голубенькие линейки непропустительно забывались. Записи кончаются в конце 1919 года».

Далее следует несколько стихотворений. Каждое помечено какой-либо датой. Начинается этот поэтический цикл 31 июля 1918 года, заканчивается 12 сентября 1918 года (стихотворение, помеченное 12 августа, опубликовано в книге «Первый денди Страны Советов» [Демидов 2019, 65-66]). Получается “лирический дневник”. В конце подборки стоит запись: «Анатолий Мариенгоф. 200 строк».

И тут у нас появляется первый вопрос: если поэт в предисловии проговаривает, что “записи кончаются в конце 1919 года”, а в действительности представленная машинопись завершается стихотворением от 12 сентября 1918 года, то где остальные тексты?

Зная издательские возможности имажинистов и более не находя таких больших и неопубликованных циклов указанного периода, необходимо задаться и другим вопросом: не является ли наша находка позднейшей мистификацией?

Можно предположить, что вторую часть этого “лирического дневника” составляют стихотворения, которые будут опубликованы в альманахе «Явь» (1919). Но против этой гипотезы работает принципиально иная тональность: в первой части – остранный взгляд молодого поэта, который лишь недавно приехал покорять Москву, а теперь наблюдает из окна своего кабинета в издательстве ВЦИК пореволюционную обстановку; во второй же части в качестве субъекта лирического высказывания выступает “новый Саваоф”, напоминающий субъекта лирических высказываний раннего периода творчества В.В. Маяковского.

Если продолжить рассматривать тексты 1919 года, то необходимо упомянуть и о двух книгах: «Кондитерская солнц» и «Магдалина». В них снова меняется тональность. Сначала субъектом лирического высказывания становится жаждущий крови и вселенских разрушений мегаломан (на уровне поэтики эта работа дополняется смелым экспериментом – отказом от глаголов), а потом – безумный паяц.

Получается, что, с одной стороны, в 1918-1919 году Мариенгоф сменяет несколько тональностей, и это косвенным образом доказывает “невиновность” поэта, а с другой стороны, вторая часть “лирического дневника” уже идёт без дат (разве что появляется год написания того или иного стихотворения), что, в свою очередь, говорит о мистификации.

Можно выдвинуть другую гипотезу. Найденные тексты – рабочий материал для создания принципиально новой поэтики и новой тональности. Видя, что происходит на улицах Москвы, поэт фиксирует это чуть ли не ежедневно в виде верлибров, попутно набивая руку в создании запоминающихся образов.

Если это действительно так, то те или иные слова, выражения или образы из этих материалов должны обнаружиться в последующих, уже опубликованных текстах.

В стихотворении от 5 августа 1918 года появляется предложение: «Будет злее мятеж». Оно отчасти напоминает стихотворение из альманаха «Явь»: «Багровый мятежа палец тычет / В карту / Обоих полушарий: / – Здесь!.. Здесь!.. Здесь!.. / В каждой дыре смерть венником / Шарит...» [Мариенгоф 2013а, 63]. Но, как мы уже отметили, проявляется иная тональность. В найденном стихотворении всё сводится к отношениям мужчины и женщины, а в опубликованном в «Яви» – к революционной тематике.

В стихотворении от 12 августа 1918 года появляются такие строчки: «Мостовые плавила серая лава. / Становился прозрачным город. / Деревянные требовали: / “Террора”». Деревянные – это латыши. Чуть выше в этом же тексте Мариенгоф называет их «деревянными истуканами», а в «Романе без вранья» подаёт уже «каменными», шинели же их – из «стали»: «Стоял тёплый августовский день. Мой стол в издательстве помещался у окна. По улице ровными каменными рядами шли латыши. Казалось, что шинели их сшиты не из серого солдатского сукна, а из стали. Впереди несли стяг, на котором было написано: “Мы требуем массового террора”» [Мариенгоф 2013б, 505]. С помощью этих метафор показывается непоколебимость, стойкость и мужество латышских стрелков.

Они подспудно появляются ещё в одном тексте из «Яви» (может быть, самом известном у Мариенгофа): «Кровью плюем зазорно / Богу в юродивый взор. / Вот на красном черным: “Массовый террор”» [Мариенгоф 2013, 56]. И здесь иная тональность, иная обстановка, иная подача.

Благодаря этим двум примерам мы видим, что вторая гипотеза о найденных текстах как о рабочем материале отпадает.

Выходит, мы имеем дело с мистификацией?

Необходимо вспомнить известных мистификаторов от литературы. Сергей Бобров разыграл пушкиниста Н.О. Лернера, прислав

ему найденные в Киеве черновика пушкинского стихотворения «Когда владыка ассирийский...» Его целью было доказать, во-первых, что, зная теорию стихосложения, можно легко симитировать любой авторский стиль, а во-вторых, что пушкинисты не разбираются в предмете своих исследований. Валерий Брюсов сделал несколько публикаций в футуристических изданиях под псевдонимом Нелли. Он хотел доказать, что футуризм – модное веяние, не имеющее чётких критериев – невозможно определить, где хороший футуристический текст, а где плохой.

Можно вспомнить и другие примеры¹, однако мы видим, что за любой мистификацией стоит писатель с какими-то конкретными целями. Возникает вопрос: какие цели были у Мариенгофа? Чего он хотел добиться этой мистификацией?

Ответа нет.

На этом, однако, неизвестные стихотворения Мариенгофа не заканчиваются. В ИМЛИ обнаружен ещё один текст, начинающийся строчкой «Тяжёлой мужичьей поступью...» (ф. 299, оп. 1, ед. хр. 3). Это уже не машинописный экземпляр, а написанный от руки беловик. Тематически, интонационно и всей своей тональностью он соответствует циклу стихов из альманаха «Явь», живописуя, как “новый Саваоф” расправляется со старым. Однако по каким-то соображениям поэт не стал его публиковать. Мы же воспроизводим его в подготовленной нами подборке последним.

31 июль 1918

Стоптанными сапожищами мостовую топчут
Который день,
Которую ночь.
– Ещё о покушении на товарища Ленина!
– Вечерний бюллетень!
Стоптанными сапожищами улицу за улицей
Вдоль и поперёк,
Поперёк и вдоль.
Если бы вышла из берегов река,
Точно бы так
Город затопила она.

¹ За ними можно обратиться к известной монографии Евгения Ланна, до сих пор не утратившей своего значения: [Ланн 1930].

А на Тверском бульваре облезлый тополь
С величайшим безразличием
Прятал руки в карманы
Желтеющего пиджака.

5 августа 1918

Так. Хорошо. Будет злее мятеж.
Беспощадней рождающиеся законы.
– Почему вы не радуетесь в такие дни...
Анна, это от страха...
Ваше сердце как маятник
На больших часах.
А глаза –
Что на ветру свеча.
Хотите скажу о нас
В духе старинного стихотворенья:
Мужчина – меч,
Женщина – ножны меча.
Будто бы жизнью живут одной,
Но какое же разное –
Предназначение.

7 августа 1918

Утром площадь орала – месть!
Сначала Красная,
Потом Скобелевская и у Страстного.
(Не знаю, что делалось в Замоскворечье.)
Первую железную произнёс речь
Чугунный Пушкин:
– Товарищи рабочие, красногвардейцы и матросы,
Что это такое есть? –
Предательский удар рабочей республике в спину.
Товарищи,
Рабочая республика уверена...
У чугунного Пушкина
Железный был голосище.
Дождался-таки:
Прозрела слепая чернь.

10 августа 1918

Вечером падал дождь.
Ближе к ночи – прояснились площади
И тогда же – прояснилось небо.
Совсем поздно
Падали звёзды.
Казалось, что на Красную площадь,
/А, может быть, этого и не было/
Были у Анны глаза,
Будто окна во время грозы –
Закрыты
И только ресницы вздрагивают.
Наверное, вспоминала о том,
Что говорили вчера.
Смотрю: стало лицо, что иконный лик –
/Не хватало светлого круга/
Особенно, когда
Крупные жемчуга
Повесила около глаз –
Словно большая скорбь...
А там:
В звёздных потьмах –
Бу-ух. Ба-ах.
Кажется, что выколачивают матросы
Или:
Вытрясают миры.
– Анна, Вы не пугайтесь,
Они взрывают памятник Скобелева.
«Ва-арва-ры».

12 августа 1918

В это утро
Вниз головой с высоких крыш...
Кидались ветра.
Первыми вышли латыши.
Было страшно – потому что двигались
Деревянные истуканы.

Тогда ещё:
Редкозубые кремлёвские стены
Пенились мыльной пеной
Розового тумана.
Люди прижимались к домам.
От людей убегали улицы
К заставам.
К Коровьему и Земляному валу.
Мостовые плавил серая лава.
Становился прозрачным город.
Деревянные требовали:
– Террора.

15 августа 1918
От Чёрного моря и до Ледящего
Гудела,
Пела
И была
Земля /в тех местах,
Где была завалена
Она
Каменными ящиками/.
Будто хитрый пчеловод
По рекам,
У морских заливов
И, где дорожная пыль
Призрачными легла крестами,
Поставил многоярусные улы...
Ах, если бы да вся-то Российская
Была ветрами
Ширь.
Синюю кто подпалил мглу?
Синюю мглу кто жёг?
– Щупленьких людишек горсть...
Не шпалами, не речным путём –
От пыльного креста степных дорог
В глубь
Отмерил /в ту пору/

Я малую сотню вёрст.
Молчу про сибирские тыщи –
Не был я на Уральской горе.
И вот /не хотелось верить глазам/:
Под высоким небом,
Как под голубым широколапым вязом,
Хлебное брюхо на солнце грея,
Дрыхла Русь,
Что дебелая бабища.

1 сентября 1918

Тёмен город.
Спустил фонарь тяжёлые веки.
Расправила ночь звёздные крылья.
А там – где рельсы легли
И шпалы,
/Где Курские, Рязанские и Ярославские/
Перемигиваются ли там
Зелёные с алыми?
Спокойны кремлёвские стены.
Спокоен Китай-Город.
Город стерегут семафоры.
И в эти дни,
Как обычно,
Как обыкновенно,
Метались в непрерывающейся бессоннице
/Будет ли ей конец?/
Вокзалы –
Виндавские, Брянские, Николаевские и Павелецкие.

12 сентября 1918

Как же, товарищи, не горевать?
Можно ли не печалиться?
Сколько оттого –
Платков проревели бабы до дыр:
/Спасибо ещё –
Новому мятежу не положили начало./
Эх, от щепотки китайского чая
В замоскворецких трактирах

Азиатским золотом
Бывало
Зелёное пылает стекло —
Не то что уже: саксонские хрустали!..
Случалось, китайские гоняя чай,
Учил
Меня
Знакомый извозчик:
«Одно, брат, китайские земли,
Другое — нижегородская сторона:
Над Расеей солнце что блин, в Китае:
Красномордая дракона —
Ноздрей у неё этих самых тыща.
И каждая —
Огнедышащая...»
Что я говорить — на глаз ли, на вкус —
Приятно китайское питьё.
Охает бабская Русь.
/И отчего охает — охала бы от В.Ч.К.-и/
А то:
«Пропадай ты пропадом, не могу жить кишки промывая
Морковной водичкой.
Душа просит,
подавай, хозяйка, на глиняном блюде
Горячее золото китайского чая...»
.....
А с чего пошло? Помним мы эти дни.
Ох, и твёрд же петербургский гранит.
Балтийские тяжелы туманы,
А белая темь — жизни короче —
Гори моё сердце! Пропадай тоска!
Красные петухи полетели в степь,
Красные в степь полетели фазаны
Мглу голубую жечь.
Кто же, товарищи, птиц пускал?
А тот, кто пускал —
Не в пуховой постели
Тогда засыпал на вечную ночь.

Тяжёлой мужичьей поступью
Подойду к последней двери
И скажу совершенно просто:
– Эй, ты – Саваоф, отвори!

И если не ответит никто: ударю
По засову пудовым кулаком,
От чего Он, со страху, старый
Растянется там ничком.

А потом лицемерно-приветливо
Скажет: «Друг мой, утерян ключ».
Голос будет, как ржавые петли,
Как осколки стекла колюч.

Я ударю тогда вторично
И, упрямый сильный как вол,
В небо, совсем коричневое,
Вобью осиновый кол.

Он поймёт, что всё уж потеряно:
– Стал не нужен, как рваный башмак!
И свой мудрый, высоколобый череп
О каменный расколел косяк.

Я сорву засовы, как струпья,
И в последнюю дверь войду, –
Только маленький скорченный трупик
Будет грустен в моём саду.
1918 г.

Источники

Мариенгоф 2013а – Мариенгоф А.Б. *Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1.: Стихи; Драммы; Произведения для детей; Очерки; Статьи; Коллективное: манифесты и письма; Письма; Комментарии.* М., 2013.

Мариенгоф 2013б – Мариенгоф А.Б. *Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2.; Кн. 1. Проза; Мемуары; Комментарии.* М., 2013.

Литература

Демидов 2019 – Демидов О.В. *Первый денди Страны Советов.* М., 2019.

Ланн 1930 – Ланн Е. *Литературная мистификация.* М.-Л., 1930.

UNKNOWN POEMS BY A.B. MARIENHOF

© **Demidov Oleg Vladimirovich (2019)**, ORCID ID: 0000-0003-3305-5326, SPIN-код: 2375-8335, teacher of Russian language and literature, Lyceum of the National Research University Higher School of Economics (3A Lyalin per., Moscow, 105062, Russia), romantuwka@bk.ru

The article introduces into the scientific circulation and provides analysis of unpublished poems by A.B. Marienhof, kept in the archives of IWL RAS. It is noted that the discovered poems form a poetic cycle, "lyrical diary". Turning to comparative and contextual methods of research, the author concludes that this cycle can be a hoax, and cites a number of arguments in support of this position. First, in the preface to the cycle, Marienhof points out that the last entry was made in 1919, while in fact the last poem of the series is marked as written on August 12, 1918. Secondly, the general tone of the cycle and the specific persona of the lyrical work - a young poet, suspiciously observing post-revolutionary reality - fundamentally distinguish this series from other poems of the same period, published in the anthology "Yav" ("Reality"), in the collections "Konditerskaya solnts" (The Confectionery of suns) and "Magdalene" (all - 1919). Third, the images created in the cycle have not been reproduced in subsequent texts of Marienhof (this conclusion is confirmed by a comparative analysis of the poems of the cycle and such works as "Bagrovy myatezha palets tychet..." ("The crimson rebellion finger pokes ...") and "Krovuyu pluyem zazorno" ("We shamefully spit out blood..."), which does not allow considering unpublished poems as "working material" for the creation of new poetics. However, despite all the convincing arguments presented, it is noted that any hoax is teleologically conditioned, whereas in this case the purpose of the hoax is not clear. In conclusion, another Marienhof's text, "Tyazheloi muzhichiei pospupyu" ("A Heavy Man's Gait...") is reported

to have been found in IWI, which intonationally and thematically corresponds to the poems in the almanac "Yav" ("Reality"), but for unknown reasons was not published.

Key words: Mariengof, imagism, lyric cycle, mystification, textual analysis.

References

(Monographs)

Демидов 2019 - Demidov O.V. *Pervyy dendi Strany Sovetov* [The first dandy of the Country of Soviets]. Moscow, 2019.

Ланн 1930 – Lann E. *Literaturnaya mistifikatsiya* [Literary hoax]. Moscow-Leningrad, 1930.

Поступила в редакцию 12.10.2019